

ОТЗЫВ официального оппонента

о диссертации

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Чжао Цзяи на тему:

«Формальная адаптация заимствований в русском языке первой половины XIX века (на материале написаний слов в корпусе текстов А.С. Пушкина)» по специальности 10.02.01 – русский язык

Первые десятилетия XXI в., как и конец XX в., отмечены заметным и непрекращающимся ростом числа заимствований, что, в свою очередь, приводит не только к языковым последствиям (перераспределению членов парадигматических рядов, дифференциации семантики, изменению коннотации и т.п.), но и к последствиям чисто прикладного характера, а именно проблемам лексикографической фиксации иноязычных неологизмов, в т. ч. фиксации в нормативных словарях. По-прежнему остро, как и в 90-е гг. XX в., стоит вопрос о формировании особой нормы в отношении «свежезаимствованной» (Ю.С. Сорокин) лексики – нормы как произносительной, так и орфографической. Решение этого вопроса, безусловно, опирается на теоретические разработки в области формальной адаптации заимствованной лексики, которые невозможны без исследований обобщающего характера, выполненных на материале наблюдений за адаптационными процессами предшествующих эпох. В этом отношении рецензируемое исследование Чжао Цзяи обладает несомненной **актуальностью**. Оно обращено, можно сказать, к истокам формирования современного русского литературного языка – к пушкинскому периоду, к пушкинскому идиостилю, который, как известно, и определил на все последующие столетия принципиальный подход к использованию «чужого», «иноземного» слова в русских контекстах, а именно: при наличии эквивалента в родном языке предпочитать «свое».

Своеобразие данного исследования заключается в том, что **впервые** факты **формальной** адаптации слов, пришедших в русский язык из других языковых систем, рассматриваются с помощью инструментария корпусной лингвистики. Материалом исследования служит электронный корпус текстов А.С. Пушкина (далее Корпус) – проект Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии (МГУ), позволивший исследователю получить исчерпывающий ответ на вопрос о всех возможных вариантах внешней, формальной оболочки иноязычного слова в письменной речи Пушкина, их количественном соотношении и, главное, роли в формировании современной правописательной нормы. Массив извлечённых из Корпуса и проанализированных словоупотреблений, отражающих варьирование графического облика лексем, составляет, по нашим подсчётам, свыше 11 тысяч единиц (судя по Приложению диссертации), что свидетельствует о **весьма представительной эмпирической базе** для исследований подобного рода.

Новизна рецензируемой диссертации состоит **также** в использовании **комплексного анализа** причин формальной вариантности иноязычного слова на базе корпусного метода лингвистики (фонетических, морфонологических и фонемных, стилистических и собственно орфографических). Избранный подход к анализу материала, реализованный последовательно, полно и по-исследовательски честно, позволил автору представить серьёзную научную работу, с одной стороны, уточняющую некоторые наблюдения предшественников, с другой – предлагающую научной общественности не только новые факты о написании заимствований в пушкинский период (так наз. «количественную оценку написаний»), но и обоснованные выводы о действии сразу нескольких факторов, влияющих на выбор письменного облика слова.

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет такой фактор, как влияние произношения (определённая норма произношения) иноязычного слова, действовавшая в первой четверти XIX в. Напр., написания слов *доктор*,

трактир и др. с буквой «х» (вм. «к») отражали, по всей видимости, произносительную особенность того времени (стр. 98-99), как и колебания в написании «а» и «о», связанные с «аканьем» – нормой для языка пушкинского периода, приводившей нередко к явлению гиперкоррекции (сознательному отказу от «а» в ряде заимствований). Выбор «е» (на месте возможной «э») объясняется, скорее всего, преимущественно мягким произношением предыдущего согласного (твёрдое произношение складывалось уже позже).

Действие такого значимого фактора, как влияние произносительной нормы, сформировало в то время, о чём убедительно пишет Чжао Цзяи, один из возможных способов формальной адаптации иноязычия (ориентация на произношение слова в языке-реципиенте, а не в языке-источнике). Напомним, что в современной теории заимствования основными способами формального освоения взятого из другого языка слова считается практическая транскрипция (ориентация на произношение слова в языке-источнике) и транслитерация (А.В. Суперанская, Л.П. Крысин и др.), хотя на самом деле отдельные заимствования оформляются в современном русском «по-своему» (ср. *бейдж* при этимоне *badge*). Думается, наблюдения, представленные в диссертационной работе Чжао Цзяи, позволят в дальнейшем более полно сопоставить адаптационные процессы, происходившие в пушкинское время, с подобными процессами последних десятилетий, поскольку представленный и систематизированный в исследовании материал дополняет научные положения о специфике формального освоения заимствований в русском языке в целом. Исследование Чжао Цзяи содержит весьма убедительные **выводы** на этот счёт, в частности вывод о том, что «современная кодификация фонемного состава и правописания заимствований основана на нормах пушкинской эпохи» (стр. 7). Ценным также считаем полученное в ходе исследования и обоснованное целым рядом фактов (стр. 130, 148, 225 и др.) подтверждение мнения М.В. Панова относительно особой произносительной фонетики в области заимствований в пушкинский период.

Важными (как для данной работы, так и для последующих исследований этого направления) представляются введённое автором диссертации понятие *графико-орфографическая основа* и его методологическое обоснование (стр. 62). Несомненно, разработка этого понятия, его использование в качестве основной единицы анализа (орфо)графических написаний имеет **теоретическую значимость** для лингвистической науки.

Основное содержание работы изложено в четырёх главах. В первой главе «*Лексические заимствования и их формальная адаптация как объект лингвистических исследований*» её автор освещает ряд теоретических вопросов, связанных с формальным освоением заимствований, обращаясь к трудам своих предшественников. Особое внимание Чжао Цзяи уделяет положениям, отражающим специфику процесса заимствования в первой половине XIX в., а также типологии формальных вариантов слова.

К сожалению, в поле зрения автора не оказались работы одного из теоретиков в области вариантности слова В.Н. Немченко «Вариантность языковых единиц. Типология вариантов в современном русском языке» (1990) и «Вариантность слова в русском языке. Фонематические варианты» (1992), в которых, особенно в последней, представлена подробнейшая классификация формальных разновидностей слова по характеру их различий, в т. ч. слов иноязычных, включая имена собственные.

Следующие, вторая и третья главы (соответственно «*Анализ мена букв в написании заимствований*» и «*Внутриморфемное удвоение согласных в Корпусе*»), содержат описание варьирующихся в текстах Пушкина написаний: консонантных вариантов, вокалических, консонантно-вокалических. Особо рассматриваются так наз. количественное варьирование слова и варьирование написаний с удвоенной согласной. Диссертантка убедительно мотивирует выбор «рабочих» понятий, необходимых для анализа (*графико-орфографическая основа, мена букв, основной вариант, безвариантная основа, тернарная и бинарная норма*) и подчёркивает специфику исследуемых вариантов: их различия в написании в большинстве случаев отражают

различие фонемного состава (в выборе согласного: *феатр* – *театр*, ударного гласного: *комедия* – *комидия*, в наличии/отсутствии звука и др.). Речь идёт в первую очередь (что очень важно для понимания этой работы) именно об особенностях формального освоения заимствованных слов (фонетического и графического) и их причинах. В то же время на материале варьирующихся единиц, различающихся буквами «э» и «е» (*пеан* – *пэан* ‘гимн’), наличием/отсутствием двойной согласной (*кристалл* – *кристал*), автор диссертации показывает формирование орфографической нормы в литературном русском языке, принципы которой актуальны по сей день. Отмечается также роль «общественной» кодификации в становлении культуры письменной речи того времени. В целом анализ имеющихся в распоряжении автора языковых фактов отличается точностью, корректностью; он выполнен с учётом действия на процесс адаптации слова не только собственно языковых факторов (фонетические и морфонологические особенности принимающего языка; стилистическая функция заимствования в речи; тип заимствования: апеллятив или оним, европеизм или ориентализм), но и факторов экстралингвистических (отмечается, к прим., роль польского языка в выборе написания, сосуществование разных традиций чтения латинских слов, «разноканальность» заимствований и др.). Всё это демонстрирует строгий научный подход к лингвистическому описанию, глубокое видение заявленной проблемы, видение перспектив исследования, «открытый» характер некоторых поставленных в ходе анализа вопросов (напр., вопроса о роли феномена гиперкоррекции в формальной адаптации «чужого» слова). Промежуточные результаты 2-й и 3-й глав отражены в таблицах.

В четвёртой главе «*Использование графических заимствований в текстах Пушкина*» рассматривается вариантность иноязычных слов, проявляющаяся в виде написаний средствами разных алфавитов. В фокусе авторского внимания оказываются разного типа **иноязычные вкрапления** в текстах Пушкина, их функции в речи, а также наличие/отсутствие у них

кириллического варианта. Согласно избранной в работе позиции использовать термин и понятие «заимствование» по отношению к любому слову, вошедшему «в русский язык из иностранных языков, независимо от степени его освоенности» (стр. 11), автор диссертации и в этой главе также пишет о заимствованиях – только уже графических. Однако, на наш взгляд, в целом речь идёт именно об иноязычных вкраплениях («инкрустациях», по выражению М.В. Панова) как единицах текста, представляющих собой иностранное слово в оригинальной графике (кстати, и сам автор делает попытку развести эти явления – см., стр. 215). Как показывает описанный в главе материал, бóльшая часть таких единиц имеет окказиональный, авторский характер (это вкрапления *ad hoc*, напр. в письмах поэта); есть, безусловно, и вкрапления, относящиеся к международному словарному фонду (*et cetera* и т.п.). И те и другие, строго говоря, не заимствования. Но даже если при самом широком толковании заимствований признать их таковыми, формальной адаптации – а именно ей и посвящена работа – они не подвергаются. На наш взгляд, в этой главе следовало бы сосредоточиться, как и в предыдущих главах, именно на процессе освоения, т.е. обратиться прежде всего к тем языковым фактам, которые свидетельствуют об истории вхождения в русский язык – сначала на правах вкрапления, затем полноценного слова – единиц чужого языка, условием для заимствования которых, как правило, было отсутствие на русской почве равноценного эквивалента.

Возможно, стоило бы единый принцип описания, реализованный в предыдущих главах, – установление графической основы для варьирующихся единиц, – сохранить и здесь, что в некоторых случаях дополнило бы данные о разнообразном варьировании одного и того же слова в исследуемый период: не только о варьировании фонематическом и орфографическом, но и графическом (напр., представленные в Приложении варианты *месье – мосье – мосьё – мусье* дополнить вариантом *monsieur*). И ещё один важный момент заслуживает внимания: диссертантка отмечает, что «Пушкин активно

использует французскую речь и отдельные выражения» (стр. 228), что вполне естественно в условиях русско-французского двуязычия в дворянской среде. Однако следует подчеркнуть (и выявить) определенный удельный вес вкраплений-англицизмов (*vulgar, comfort, dandy, speech* и многие др.). Этот факт весьма показателен для представления об особенностях речевой личности поэта и свидетельствует в то же время о некой культурной традиции в среде образованных людей того времени – свободно обращаться, при необходимости, к одному из европейских языков (необязательно французскому). Несмотря на высказанные соображения относительно 4-й главы, в ней, без сомнения, собраны, как представляется – в исчерпывающем виде, важные факты, которые могут быть использованы в дальнейшем при изучении как вкраплений, так и графических заимствований.

В Заключении содержатся общие выводы. В Приложении «Кириллические варианты написаний слов в текстах А.С. Пушкина» представлены: состав исследуемых графико-орфографических основ (всего 377) и сами варьирующиеся заимствования (с указанием на количество употреблений каждого варианта в Корпусе).

Позволим себе высказать ещё ряд вопросов и замечаний.

1. В ходе анализа варьирующихся единиц диссертантка последовательно проводит сравнение пушкинского написания заимствованного слова с действующей орфографической нормой. Однако поскольку отсутствуют ссылки и в самом тексте, и в списке литературы, остаётся неясным, **по каким источникам устанавливался современный вариант** написания заимствования. Так, на стр. 197 автор пишет, имея в виду слово *Парнас*, что «написание с удвоением является основным [у Пушкина] и совпадает с современным написанием». В «Русском орфографическом словаре» под редакцией В.В. Лопатина и О.Е. Ивановой даётся в качестве единственного вариант без удвоения. Относительно слова *псалтырь* диссертантка отмечает его нормативную вариативность в современном русском языке (*псалтырь* и *псалтирь*), однако тот же источник содержит лишь один вариант (через «ы»).

Хотелось бы видеть ссылки на источник при утверждении о равноправности вариантов *де ла* и *де ля* (стр. 82), *Сара* и *Сарра* (стр. 194) и др. Возникает вопрос, откуда черпались данные об установившемся в русской речевой практике нормативном варианте написаний имён собственных (*Вюртемберг*, предположим, мы обнаружили в «Википедии», а *Штраленберг* нет, и хотя в диссертации говорится (стр. 107), что *ш*-вариант является современным, «Википедия» даёт эту фамилию с буквой «с»). Считаем, что необходимо было бы указать на источники информации, причём не только в отношении орфографии исследуемых слов, но и в отношении их этимонов (они также даются при заимствованном слове без ссылок на авторитетные источники).

2. Ряд варьирующихся единиц, рассматриваемых Чжао Цзяи, не являются заимствованиями: на стр. 140 *циновка* (собственно русское, по данным этимологического словаря Н.М. Шанского и др.); слова из Приложения *истина*, *Русь прочий*, *впрочем* (последние даны, кстати, как две разные основы) – с общеславянскими корнями, согласно словарям М. Фасмера, Н.М. Шанского. Ошибочно включение в состав заимствований слова *зеркало* (с общеславянским корнем), несмотря на ссылку на «Историко-этимологический словарь современного русского языка» П.Я. Черных, в котором, кстати, мы не нашли указания на то, что «*зеркало* происходит от чешского языка *zrcadlo*. А утраченное слово *зьрцало* было заимствовано из древнерусского языка» (со ссылкой на [Черных 1999, т. 1: 324], стр. 96-97), и не могли найти, так как выражение «заимствовано из древнерусского языка» по отношению к современному русскому языку не имеет смысла. Не убедило нас и включение в состав изучаемых заимствований онима *Воронцов* – русской фамилии с общеславянским корнем.

3. Представляется неточным выделение двух (вместо одной) графико-орфографических основ (ГОО) для вариантов: *кофе* и *кофей* (ГОО №№186 и 187 в Приложении); *сигара* (ГОО №283) и *цыгарка* (ГОО №330); *батальон* и *баталия* (стр. 177 и 184).

Однако отмеченные замечания не снижают качества выполненной работы и её общую высокую оценку. **Диссертация отвечает** требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 10.02.01 – «русский язык» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям №5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Чжао Цзяи заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – «русский язык».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,

профессор кафедры страноведения России и славистики

Института русского языка

Федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова»

МАРИНОВА Елена Вячеславовна

ЭЛ 31.05.2021

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:
10.02.01 – русский язык

Адрес места работы:

603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а,

Нижегородский государственный лингвистический университет, Институт русского языка

Тел.: 7(831)436-15-75; e-mail: admdep@lunn.ru

Подпись сотрудника Нижегородского государственного лингвистического университета Е.В. Мариновой
удостоверяю:

руководитель/кадровый работник

